

На экране разворачивались события недавнего прошлого. Появившись в самый критический момент, Годжо Хара ленивым жестом применил «Синий», мгновенно стерев проклятого духа с лица земли, а затем исцелил израненных младших товарищей с помощью обратной проклятой техники.

Глядя на их жалкий, измотанный вид, Хара не стал подбирать мягких слов. Он резко, без обиняков спросил, почему они не отступили, столкнувшись с противником, который был им явно не по зубам.

Хайбара Ю, едва переводя дух, ответил, что они не могли бросить заложников и до последнего пытались выиграть время.

Однако Харе не было никакого дела до спасённых обывателей. Он прямо при них заявил, что в следующий раз в подобной ситуации нужно в первую очередь спасать собственные шкуры, а не рисковать жизнью ради чужаков. В его глазах жизни знакомых ему младших товарищей весили несравненно больше, чем судьбы безликой толпы.

Один из трёх спасённых туристов, услышав это, оскорбился и принялся шумно возмущаться. Но Харе это было только на руку — он тут же выставил неблагодарного наглеца идеальным примером того, почему обыватели не стоят таких жертв.

Ю, впрочем, не обратил внимания на крики туриста. Он посмотрел на старшего товарища с предельной серьёзностью.

— Я знаю, господин Хара, что вы просто беспокоитесь за нас, — искренне произнёс он. — Но мы тоже хотим приносить пользу. Да, наши старшие невероятно сильны, но разве это значит, что мы должны взвалить на их плечи вообще всё?

Хайбара не собирался прятаться за чужими спинами, оправдывая собственную слабость. Он хотел помогать — пусть даже его вклад будет ничтожно мал.

Эти слова заставили Нанами Кэнто оцепенеть. Всего мгновение назад в его голове промелькнула трусливая, малодушная мысль.

«Если старшие так сильны, почему бы им не выполнять все задания в одиночку?»

Пусть это было лишь секундное помутнение после смертельной опасности, Нанами устыдился своего эгоизма, особенно на фоне чистосердечного Ю.

Такааки Морофуси слушал их разговор молча. Как полицейский, он не считал, что эти совсем ещё юные ребята обязаны жертвовать собой ради спасения взрослых. Наставление Хары ставить собственную жизнь на первое место не вызвало у него ни капли протеста или обиды.

Когда разговор утих, Такааки шагнул вперёд и вежливо, с глубоким уважением поклонился.

Тот самый недовольный турист продолжал бормотать проклятия, отказываясь благодарить своих спасителей, но Морофуси осадил его холодным, спокойным тоном:

— Эти люди спасли нам жизнь. Это неоспоримый факт. Мы судим по поступкам, а не по тайным помыслам, ведь идеальных людей не существует. Никто из них не был обязан рисковать собой ради нас, так что держите свою неблагодарность при себе.

Экран безжалостно обнажил перед зрителями самые сокровенные мысли Нанами Кэнто.

Конечно, в реальности эта мимолётная слабость была естественной реакцией человека, только что заглянувшего в пасть смерти. Ничего страшного в этом не было. Однако на фоне лучезарного Ю, готового отдать всё ради других, минутное малодушие Кэнто выглядело не слишком красиво.

В первом зрительном зале Хайбара Ю поспешил ободряюще похлопать своего друга по плечу:

— Нанами, ты ведь все эти годы только и делал, что защищал людей! Не принимай близко к сердцу.

Уже ставший надёжным и зрелым мужчиной, Кэнто лишь спокойно усмехнулся:

— Я не настолько слаб, чтобы нуждаться в утешении из-за пустяков. У кого не бывает минутных слабостей? Это совершенно естественно.

В конце концов, ранее на том же экране показывали, как даже безупречный Годжо Хара испытывал глухую ярость и едва ли не жажду убийства к Гэто Сугуру просто из-за того, что тот стал слишком близок с Сатору.

Людей судят по делам, а в мыслях святых нет. Никто не собирался винить Нанами за мимолётный ропот. Тем более что его мысль была лишь безобидной жалобой, а не злобным умыслом.

Во втором зрительном зале обстановка была куда более напряжённой.

Сильнейший маг современности Годжо Сатору и глава религиозного культа Гэто Сугуру молча созерцали спасение своих младших товарищей. На их лицах читалась сложная гамма эмоций.

Эта сцена обнажила перед ними обе стороны человеческой природы — уродливую изнанку обывателей и редкие вспышки их благородства.

Тёмные, погрязшие в суевериях жители деревни поклонялись проклятому духу, совершая человеческие жертвоприношения. Они не побоялись отдать собственные жизни, лишь бы сделать чудовище сильнее, едва не погубив юных магов. В их собственном мире Хайбара Ю действительно погиб во время этой миссии.

Среди спасённых пассажиров один исходил злобой, а двое других застыли в равнодушном молчании, не выразив и капли признательности.

И всё же среди этих обычных людей нашлись двое полицейских — Такааки Морофуси и Кансукэ Ямато. Один из них с искренним уважением поблагодарил Хару за спасение, проигнорировав его резкие слова, а второй, рискуя собой, сумел вырваться из проклятой деревни и связаться со вспомогательным управляющим, чем косвенно спас жизнь Ю.

Слепая злоба и искренняя добродетель не-магов столкнулись в этой трагедии лицом к лицу.

Сатору не обратил внимания на ворчание неблагодарного туриста. За долгие годы службы он спас бесчисленное множество людей, и среди них частенько попадались те, кто вместо спасибо упрекал его в медлительности. К подобной грязи у него давно выработался иммунитет.

Гораздо сильнее его зацепили мысли Нанами. Сатору невольно вспомнил третий курс колледжа. Тот страшный день, когда погиб Хайбара. Чтобы отомстить за младшего товарища, Сатору немедленно отправился на место и стёр того проклятого духа в порошок.

Когда он вернулся в морг, надеясь в последний раз увидеть Ю, то случайно подслушал разговор Кэнто и Сугуру.

Гэто тогда пытался утешить Нанами:

— Сатору уже отправился туда. Он обязательно отомстит за Хайбару.

На что Кэнто с горечью выплюнул:

— Раз уж он такой сильный, почему бы не свалить на него вообще все миссии?

Стоявший за дверью Сатору понимал, что это были лишь брошенные в сердцах слова убитого горем подростка. Но этот упрёк пустил глубокие корни в его душе.

Особенно после того, как Сугуру предал их и сбежал, а сам Сатору стал преподавателем в Токийском магическом колледже. Наблюдая, как его неопытные, слабые ученики один за другим бросаются в пекло, он утвердился в мысли: «Чем больше я возьму на себя, тем больше этих детей останутся в живых».

Поэтому, когда старейшины из Главного совета магов — эти трусливые «гнилые мандарины» — пытались истощить его силы, заваливая бесконечной работой, он безропотно брался за всё. Ему поручали не только задания особого и первого рангов, но порой отправляли изгонять проклятия второго и даже третьего ранга.

Его лишали сна, оставляя на отдых жалкие три-четыре часа в сутки. Он ворчал, издевался над начальством, но продолжал тянуть эту лямку. Сатору знал: если это задание выполнит он, а не какой-нибудь неопытный юнец, одной бессмысленной смертью в этом мире станет меньше.

Он пахал как ломовая лошадь, скрывая смертельную усталость под маской шутовства и абсолютного могущества. Даже его собственные ученики верили, что их учитель — непостижимый монстр, которому не ведомы человеческие слабости. Увидев однажды, как Сатору спит на стуле от изнеможения, они искренне удивились: «Надо же, Сильнейший, оказывается, тоже спит».

Сатору никогда не просил признания. Он нёс это бремя просто потому, что сам так решил. Разве могли эти дряхлые мандарины заставить его делать то, чего он не желает?

Ему не нужно было чужое одобрение. Его ментальный стержень оставался нерушимым. Однако, глядя на то, как его альтернативная версия из параллельного мира живёт, окружённая искренней, абсолютной заботой старшего брата, Сатору не мог не почувствовать укол зависти.

Он завидовал не самой заботе, а тому, что у того Годжо Сатору с самого рождения был человек, готовый разделить с ним любую ношу. Человек, благодаря которому Сильнейший никогда не знал вкуса истинного одиночества.

Уходя из душного, консервативного клана в колледж, юный Сатору мечтал найти равных себе, исследовать мир вместе с друзьями. Встретив Сугуру, равного ему по силе, он обрёл крылья. Фраза «Мы — сильнейшие» не сходила с его губ, потому что он всем сердцем желал стоять на вершине не один, а плечом к плечу с верным другом.

Но судьба распорядилась иначе. Их пути разошлись, и на ледяной вершине абсолютного могущества Сатору вновь остался в полном одиночестве.

А вот у Сатору из параллельного мира с первой секунды жизни был брат. Верный спутник, оберегающий его от вечной изоляции. И Сатору, познавший холод одиночества, не мог не смотреть на это с тихой, светлой грустью.

На экране сменился кадр.

Покинув проклятую деревню, Годжо Хара лично выразил одобрение вспомогательному

управляющему, который рискнул доложить о случившемся директору Яге в обход официальных каналов. Он пообещал оградить его от гнева Главного совета магов, взяв под своё покровительство.

Избавившись от страха перед неминуемым наказанием, преданный управляющий без колебаний присягнул на верность Харе.

Тут же последовало первое поручение — тайно расследовать инцидент с Проклятием божества земли. Хару терзали смутные сомнения. Сил Нанами и Хайбары должно было с лихвой хватить на обычную миссию. Даже если проклятие действительно развилось до первого ранга прямо во время боя, они не должны были оказаться на волосок от гибели. Хара подозревал, что ранг проклятия занизили намеренно, решив устранить перспективных магов руками чудовища.

Сцена сменилась. На экране возникли лица нескольких старейшин из Главного совета. Они судорожно шептались, пытаясь замести следы проваленной операции.

Как выяснилось, именно эти дряхлые интриганы подстроили ловушку. Их целью было уничтожение Нанами и Хайбары — талантливых юношей, которые регулярно тренировались со вторым курсом, отказались присягнуть Совету и явно склонялись на сторону фракции Годжо. Их гибель должна была ослабить влияние Хары.

Действовать в открытую старейшины боялись, зная крутой нрав старшего близнеца Годжо, поэтому замаскировали покушение под трагическую случайность. Мол, обычные суеверные крестьяне принесли себя в жертву, из-за чего заурядное проклятие второго ранга внезапно эволюционировало. Кто же мог предвидеть подобное?

Но появление Хары спутало им все карты. Мало того что мальчишки выжили, так этот монстр ещё и почуял неладное, начав собственное расследование.

Пока заговорщики пребывали в панике, пытаясь подчистить хвосты, на экране появился человек с характерным шрамом от швов на лбу. Он перехватил инициативу, без труда уничтожив все улики, связывающие Совет с покушением.

— Ничтожные кретины, — процедил он сквозь зубы. — Даже такое простое дело не в состоянии довести до конца.

Это был Кэндзяку, сменивший очередное тело. Именно он руководил действиями глупых старейшин. Его истинной целью было не просто физическое устранение Нанами и Хайбары, а сокрушительный удар по психике Гэто Сугуру. Кэндзяку страстно желал заполучить его технику манипуляции проклятиями.

Убить Сугуру напрямую, пока тот находился под защитой Хары и Сатору, было невозможно. Единственный путь — сломать его идеалы, растоптать веру в человечество и заставить предать близких. Лишившись защиты клана Годжо, беглый мятежник неизбежно нашёл бы свою

смерть, и тогда его тело перешло бы к новому хозяину.

В первом зрительном зале повисло тяжёлое, удушливое молчание. Лица Хары, Сатору и Сугуру потемнели от гнева. Видеть, как их младших товарищей хладнокровно использовали в качестве разменной монеты в чужой игре, было невыносимо.

Хара процедил сквозь зубы:

— В своё время я выяснил, что те старейшины якшались с проклятыми магами, но личность их кукловода так и осталась нераскрытой. Подумать только, за всем этим снова стоял Кэндзяку!

Сугуру выглядел так, словно его ударили под дых. Осознание того, что его собственные сомнения и едва не случившийся раскол души были аккуратно срежиссированы кем-то со стороны, вызывало у него тошноту. Его жизнь едва не превратилась в балаган под управлением древнего паразита.

Пытаясь восстановить в памяти события тех лет, Гэто вдруг замер, осенив себя страшной догадкой:

— Мои отчёты о той миссии... Они отличались от ваших. В моих бумагах в мельчайших деталях описывалось, как подло вели себя не-маги, как они измывались над Кэнто и Ю и как добровольно шли на смерть ради усиления монстра.

Тогда он не придавал этому значения — ведь факты оставались фактами. Но теперь, глядя на ситуацию со стороны, Сугуру понял: ему целенаправленно скормливали концентрированную человеческую мерзость, взращивая в его душе ненависть к обывателям.

Его захлестнула холодная, яростная жажда убийства.

Во втором зале ситуация была стократ хуже. Лицо Гэто-предводителя казалось высеченным из серого камня.

В отличие от своего двойника, он прошёл этот путь до самого горького конца. Он действительно убил собственных родителей, отрёкся от друзей и пролил реки крови ради «великой миссии».

И теперь ему авторитетно заявляли, что его «великое дело», выстраданные в муках идеалы и личная трагедия — всего лишь дешёвый спектакль, разыгранный по нотам мерзкой твари, претендующей на его труп?

Этот удар едва не уничтожил остатки его рассудка. Душа Гэто, лишённая плоти, задрожала от бессильной ярости, готовая взорваться ураганом проклятой энергии.

Рядом с ним бушевало не менее страшное пламя. Из глаз Годжо-учителя исчезла всякая весёлость, сменившись ледяной, первобытной яростью. Его проклятая сила хлынула наружу, затапливая весь зал тяжёлым, давящим куполом.

Знать, что твой лучший друг ушёл во тьму не по своей воле, а под прицельным, методичным давлением врага, и что ты сам завершил этот чужой план, лично предав Гэто земле — от такого осознания кровь закипала в жилах.

Нанами Кэнто, стараясь сохранять самообладание, тихо произнёс:

— Сатору... В нашем мире всё было немного иначе. Нашим управляющим был совсем другой человек, да и Проклятие божества земли с самого начала классифицировали как проклятие первого ранга.

У них не было шанса позвать на помощь. Хайбара пожертвовал собой, подарив Нанами единственную возможность спастись.

Сатору мгновенно проанализировал его слова. Его голос звучал тише могильного камня:

— Разумеется. В нашем мире никто не чистил ряды управляющих. Тот человек изначально был шестёркой старейшин. Эти твари даже не утруждали себя маскировкой покушения под несчастный случай. Они просто отправили вас на убой, зная, что всегда смогут свалить вину на «ошибку в классификации».

В груди Сатору заклокотало глухое раскаяние. Почему он не перебил этих гнилых мандаринов ещё тогда, не считаясь с последствиями?

В параллельном мире Хара устроил показательную казнь, и после этого старейшины тряслись от каждого его взгляда, боясь оставить хоть малейший след своей причастности. Это дало Ю и Кэнто бесценное время. Время, которое спасло им жизнь.

А в его мире этих детей скормили монстрам без малейших колебаний, зная, что им ничего за это не будет. Сатору поклялся себе: как только этот просмотр завершится, в Главном совете магов прольются реки крови. Он лично вырежет каждого, на ком найдётся хоть капля гнили, и никакие правила его больше не остановят.

Экран тем временем продолжал вещать.

У Годжо Хары не было прямых доказательств вины заговорщиков, но они ему и не требовались. Самому факту их причастности не требовалось юридических подтверждений.

Он просто нанял Убийцу магов, Дзэнъина Тодзи. В течение нескольких дней все причастные к заговору старейшины погибли при невыясненных обстоятельствах, а освободившиеся кресла тут же заняли преданные Харе люди.

Остальные члены Совета прекрасно понимали, чьих рук это дело. Но, не имея возможности предъявить обвинения открыто, они предпочли забиться в глубокие щели, содрогаясь от мысли, что следующими в списке Хары могут оказаться они сами. Инцидент замяли с молчаливого согласия всех сторон.

Сатору-учитель жадно впитывал эти кадры. Он мысленно составил список связывающих клятв, которые заключит со своими кандидатами перед тем, как отправить старейшин на плаху. Если власть всё равно окажется в руках мандаринов, пусть это будут мандарины, скованные железными цепями его воли.

Деревня ХХ

Кадр резко сменился. На экране показался Гэто Сугуру, прибывший в глухую горную деревушку для выполнения очередного рядового задания.

Зрители замерли. Это название было слишком хорошо знакомо каждому, кто находился в зале. Именно здесь когда-то началась трагедия, разделившая жизнь Сугуру на «до» и «после».

Яга, Сёко и Сатору не отрывали глаз от экрана, надеясь наконец понять, что именно произошло в той проклятой глухомани.

Сугуру быстро и без особых усилий изгнал обосновавшегося в округе проклятого духа. Но стоило ему собраться в обратный путь, как дорогу преградил деревенский староста. С уродливой, заискивающей ухмылкой на лице он заговорил о том, что корень зла всё ещё не уничтожен, и попросил мага избавить их от «двух главных чудовищ».

Ветхий, полутёмный сарай встретил Сугуру запахом сырости и застарелого страха. В тесной деревянной клетке, прижавшись друг к другу, сидели две маленькие девочки — Мимико и Нанако. Их крошечные тела были покрыты синяками, ссадинами и глубокими следами от побоев. Увидев взрослого, они испуганно задрожали, пытаясь буквально вжаться в деревянные прутья.

Сугуру застыл, чувствуя, как внутри него что-то с тихим хрустом ломается.

А над ухом продолжал зудеть гнусавый голос старосты:

— Вот они, эти выродки! Именно из-за них в деревне творится всякая чертовщина! Очистите

нашу землю, убейте их!

В этот момент последние барьеры в сознании Сугуру рухнули. Накопившаяся за долгие месяцы глухая, удушливая ненависть к не-магам вырвалась наружу, затапливая разум ледяной волной. За его спиной беззвучно разверзлось багровое пространство, откуда начали медленно выползать уродливые тени подчинённых ему проклятых духов.

Сугуру опустился на одно колено перед клеткой и мягко, успокаивающе улыбнулся испуганным девочкам:

— Не бойтесь, маленькие. Мы с вами одной крови. Мы видим этот мир одинаково. А с обезьянами, которые слепы к истине... я сейчас разберусь.

Он медленно поднялся и повернулся к старосте. Его улыбка оставалась безупречно вежливой, но глаза превратились в две холодные, бездонные щели:

— Давайте обсудим это снаружи.

Ничего не подозревающий старик послушно развернулся к выходу. Сугуру лёгким движением руки сорвал замок с клетки, бережно подхватил дрожащих девочек на руки и шагнул вслед за ним.

А за его спиной из распахнутых врат хлынул нескончаемый поток кошмаров, готовый стереть эту деревню с лица земли.

В зале воцарилась звенящая тишина. Каждый понимал: этот шаг отделяет человека от монстра, и обратного пути у Сугуру уже не будет.

<http://bllate.org/book/19549/2004426>